

УДК 330.101.541:331.556.4
ББК 65.012.4

Т.И. ТРОФИМОВА
кандидат экономических наук, доцент
Байкальского государственного университета экономики и права,
г. Иркутск
e-mail: TrofimovaTI2006@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ

Рассмотрено значение миграции в условиях глобализации. Исследованы четыре модели государственной миграционной политики, распространенные в западных странах: иллюзорная, исключаящая, республиканско-имперская, мультикультурная. Охарактеризован опыт Германии, Франции, Швеции, США, показано его значение для России.

Ключевые слова: глобализация, миграция, иллюзорная, исключаящая, республиканско-имперская, мультикультурная модели гражданства.

T.I. TROFIKOVA
PhD in Economics, associate professor
of Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: TrofimovaTI2006@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF GLOBAL MIGRATIONS

The article considers significance of migration in the conditions of globalization. The author examines four models of state migration policy that exist in western countries: delusive, exclusive, republican imperial and multicultural. The experience of Germany, France, Sweden and the USA is analyzed and its significance for Russia is shown.

Keywords: globalization, migration, delusive, exclusive, republican imperial and multicultural models of citizenship.

Современные процессы глобализации усиливают и углубляют взаимозависимость всех международных экономических субъектов. Мировая экономика пребывает в состоянии непрерывных изменений. Формируется глобальный хозяйственный комплекс, и национальные хозяйства превращаются в его составные части. Данные тенденции обуславливают невиданный до сих пор размах международной миграции. Только по официальным оценкам ООН, общая численность международных мигрантов в 2005 г. составила 190 млн чел., или 3% мирового населения. Из них 91 млн чел. приходится на развитые индустриальные страны, а 51 млн чел. — на страны со средним уровнем доходов на душу населения [7]. Соответственно, настоящее время в научной литературе определяют как «век мобильности» или «новейшую эру миграции» [5; 10, р. 15].

Увеличение объемов миграции, которое сопоставимо с численностью населения четырех самых крупных государств мира: Китая,

Индии, США, Индонезии, привело к серьезному изменению ее влияния на все стороны общественной жизни. Это влияние никогда ранее не было настолько значительным, интенсивным и масштабным. Оно пронизывает и экономическую, и социальную, и политическую жизнь стран-доноров и стран-реципиентов.

В многочисленных дискуссиях по вопросам социально-экономических последствий миграции в развитых странах обсуждаются принципиально противоположные точки зрения. Миграцию считают причиной и ускорения развития экономики, и замедления темпов ее роста; и повышения уровня занятости местного населения, и роста безработицы; и возрастания доходов государственной казны принимающей страны, и увеличения нагрузки на ее социальную сферу и т.д. Отмечается как вклад интеллектуальной миграции в научные исследования, так и усиление террористической угрозы, межэтнической конфликтности.

Международная миграция привела к формированию разных национальных сообществ с различным культурным опытом, различными социальными связями переселенцев и т.д. С. Кастельс и М. Миллер исследовали отличительные признаки этнических меньшинств и этнических общин [5]. С их точки зрения, этнические меньшинства включают в себя людей, подвергающихся сегрегации как на рынке труда, так и в местах их проживания. Они ощущают весьма значительные социальные, культурные и политические ограничения. Эти сообщества представляют собой низшие слои общества и образуют маргинальные группы. К ним весьма настороженно относится коренное население, им отказано не только в полном, но и в частичном гражданстве. Данные обстоятельства не позволяют их представителям добиться каких-либо карьерных успехов и занять определенное положение на новой родине в будущем. Другое дело — этнические общины. Они складываются там, «где иммигранты и их потомки рассматриваются как составная часть мультикультурного общества, которое стремится изменить их культурную идентичность» [ibid, p. 195]. В реальной действительности, по мнению тех же авторов, ни в одной стране мира не существует национальных групп, полностью подходящих под данные определения. Почти во всех странах, принимающих переселенцев, иммигрантские сообщества находятся между этими двумя полюсами. С. Кастельс и М. Миллер полагают, что, например, Австралии более присуща модель этнических общин, а Германии — модель этнических меньшинств.

С. Кастельс и М. Миллер констатируют существование четырех моделей гражданства, распространенных в западных странах. Эти модели непосредственно зависят от государственной политики в целом, характеризуют отношение общества и государства к проблемам гражданства и национальной идентичности. Они формируются и в определенном общественном контексте: в условиях конкретной иммиграционной, образовательной, культурной политики, а также политики натурализации. Данные четыре модели, или стратегии, определяются как иллюзорная, исключаящая, республиканско-имперская и мультикультурная.

Первая стратегия предполагает иллюзорное отношение к иммигрантам, намеренное

пренебрежение к иммигрантским общинам. Например, представители государственной власти в Японии и в Италии делают вид, что не знают о большом количестве здесь нелегальных иммигрантов. Безусловно, в этих странах вопрос о гражданском статусе таких людей вообще не рассматривается. Однако подобная «невнимательность» ведет к высокой степени маргинализации общества и ограничениям в правах части населения, а также представляет собой некую форму политического молчания, под маской которого может скрываться местный расизм.

Вторая стратегия — исключаящая — модель этнического национализма, в которой основу гражданства составляют родственные отношения, этнический и лингвистический статусы. Эта стратегия преобладает в Швейцарии, Германии и Бельгии, куда иммигранты приезжают в основном по строго регулируемым гостевым рабочим программам. Официально признанный легальный статус иммигрантов, тем не менее, ниже статуса коренных граждан принимающего государства. Вероятность натурализации и получения гражданства здесь очень ограничена, а официальные и неформальные культурные контакты между иммигрантами и местным населением неравноправны и сдержанны.

Республиканско-имперская стратегия предполагает сложную смесь разных моделей гражданства. В данной модели гражданский статус в первую очередь определяется местом жительства, а отнюдь не национальностью. Она допускает более мягкий переход от статуса иммигранта к статусу гражданина, чем предыдущая стратегия. Республиканско-имперская модель наиболее характерна для ситуации с мигрантами второго поколения, родившимися в стране, куда переехали их родители, а также с гражданами бывших колоний, которые прибыли в метрополию на более приемлемых условиях, нежели простые иммигранты, хотя и не на таких благоприятных, как гостевые рабочие. В этом случае национальная принадлежность уже не является ограничительным фактором. В данной модели признается взаимодействие между культурами и обществами как метрополий, так и колоний. Однако культура и менталитет метрополий остаются доминирующими. Подобной стратегии придерживаются Великобритания, Франция и, в определенной мере, Нидерланды.

Четвертая — мультикультурная стратегия гражданства. Это такая модель, при которой, как правило, миграция становится постоянным явлением, а получение гражданства переселенцам гарантировано. Данная стратегия в идеальной форме предполагает цивилизованный национализм, при котором дружелюбно сосуществуют разнообразные национальные идентичности и прежние культуры иммигрантов «переплавляются», переосмысливаются и изменяются под влиянием новых волн иммиграции. Такая модель получила название идеальной. Авторы рассматриваемой модели, имеющей место в основном в США, признают асимметричность власти и законности, обусловленную доминированием культуры белых над множеством других культур и групп (испанских, африканских, азиатских). Кроме США, эта модель в настоящее время существует в Канаде, Австралии и Швеции.

В развивающихся странах и в бывших советских республиках периодически возникают взрывы националистических настроений, поднимается шумиха по вопросам национальной идентичности, гражданства и законности. Некогда привлечение большого количества неевропейцев в страны Старого Света и Америки, вызванное экономическими последствиями Второй мировой войны, было чрезвычайно актуальным и целесообразным. Но позднее рост количества мигрантов вступил в противоречие с неспособностью государственных властей найти цивилизованный метод решения проблем гражданства и национальной идентичности. Пути решения этих проблем в развитых странах подвергаются жесткой критике [12]. Даже признанная самой устойчивой мультикультурная модель гражданства в Швеции реально оказалась подверженной воздействию разрушающих сил. В этой скандинавской стране поддержание плюрализма культур выражается в щедрых субсидиях с целью облегчения иммигрантам процесса натурализации, в проведении политики предоставления убежища, а также в социальном обеспечении иммигрантов. В традиции универсализма шведской социал-демократии наряду с прочими мерами входит открытие и распространение школ с изучением второго языка.

Шведская модель рыночной экономики, в основе которой лежит идеология государства всеобщего благосостояния, свои политические успехи связывает с развитием межклассового

универсализма, с постулированием эгалитаризма, в том числе и с точки зрения этнической принадлежности. Однако в определенный момент финансовые и экономические основы открытого социал-демократического государства стали разрушаться. Отношение к иммигрантам начало меняться в худшую сторону, и природа шведской национальной идентичности оказалась весьма проблематичной. Рост количества иммигрантских общин, усиление экономической и политической неопределенности в начале 90-х гг. XX в. создали условия для появления откровенно расистских националистических групп и расширения влияния популистской ксенофобии.

Политические процессы, происходящие в Швеции, коснулись и стран с менее открытой моделью гражданства [6]. В самых крупных европейских государствах — Германии и Франции — послевоенная иммиграция осуществлялась в условиях более нетерпимого отношения к вопросам национальной идентичности. Это послужило основой для возникновения партий относительно устойчивых и влиятельных крайне правых направлений, к примеру, партии республиканцев в Германии и Национального фронта во Франции. Такого рода движения объединяют весьма различные слои общества: от оппозиционно настроенных политиков до недовольных представителей рабочего и среднего классов. Подобные процессы имеют место также в Бельгии, Австрии, Нидерландах. Следует отметить, что большая часть таких настроений нашла отражение еще в «Ломбардских законах» в Италии.

Аналогичных взглядов на вопросы национальной идентичности придерживаются сторонники правого крыла консервативной партии Великобритании. Этим объясняют их успехи на выборах, хотя организационные возможности радикально настроенных представителей ограничены барьерами электоральной системы.

Национальный вопрос в США рассматривается под несколько другим углом зрения. Уже с момента возникновения этого государства ожесточенные споры здесь вызывало обсуждение проблем этнической принадлежности и национальной идентичности. Но отрицательное отношение к иммигрантам и взрывы протестов участников движения за гражданские права еще в 60-х гг. XX в. привели к отказу от традиционной ассими-

ляционной модели «плавильного котла» американской идентичности. Причины конфликта формировались и развивались отнюдь не под влиянием новых волн иммиграции, а под воздействием более старых волн. Этот кризис реанимировал болезненные споры об американской идентичности и о противостоянии республиканско-ассимиляционной и мультикультурной моделей адаптации иммигрантов к жизни в американском обществе.

Основа этнических конфликтов в США лежит в иной плоскости, нежели причины подобных явлений в Европе. Однако реакции на них весьма сходны. Американская история свидетельствует о возрождении превосходства белых, об усилении резких установок в отношении нелегальных иммигрантов и о возвращении к утверждению превосходства культуры белых англосаксонских протестантов (WASP). Именно против этого были направлены бунты 60-х гг. XX в. Результаты референдума 1997 г. в Калифорнии, посвященного уменьшению размера пособий и объема услуг в штате не имеющим документов иностранцам, говорят о формировании новой, более жесткой модели гражданства, которую характеризуют как исключительную.

В США к концу Второй мировой войны сложилась система запрещающих иммиграционных законов. Эти ограничения вводились еще в период между мировыми войнами, а во время Второй мировой войны значительно ужесточились. К концу 40-х гг. они были несколько смягчены, чтобы создать возможность для принятия 200 тыс. перемещенных лиц и беженцев, которые стремились осесть в США. Дальнейшие селективные меры были осуществлены в 50-х гг. XX в. для того, чтобы, с одной стороны, сократить возрастающий поток иммигрантов, а с другой — смягчить условия въезда в страну только для представителей государств Северной Европы. Это привело к созданию миграционных квот для населения отдельных стран и полушарий [3; 11].

Однако следует подчеркнуть, что история послевоенной иммиграции в США свидетельствует о слабой работе государства в контексте определения фактических размеров иммиграции и системы квот, с помощью которых предпринимались попытки запрещения въезда в страну представителей Восточной и Южной Европы, Латинской Америки и Азии. Объемы миграции из этих регионов не толь-

ко не сократились, но и резко увеличились в 70-х и 80-х гг. XX в. Кроме того, кардинально изменилась географическая направленность данного движения: исторически традиционные потоки иммигрантов из Европы были вытеснены потоками из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, представители которых желали переселиться на Север, а также потоками из Азии.

В 80-х гг. XX в. в США наблюдался в полном смысле слова взрыв всех видов иммиграции: от постоянной до временной, от легальной до нелегальной. Невиданные ранее размеры приняла нелегальная иммиграция. В указанное десятилетие власти США депортировали ежегодно до 1 млн чел. Как правило, это были мексиканцы. Поводом для отправки их на родину являлись неправильно оформленные документы. Однако, согласно некоторым расчетным оценкам, на каждого задержанного приходилось до четырех-пяти иммигрантов, которые смогли пересечь границу. Другими словами, имел место ежегодный нелегальный иммигрантский поток численностью до 4–5 млн чел. Значительное число из них позднее все-таки получают право на постоянное место жительства в этой стране [4]. Существуют и более осторожные оценки данного движения. По мнению ряда авторов, постоянный ежегодный поток нелегалов в США составлял в тот период 200 тыс. чел. [2; 9].

Официальный легальный поток желающих обосноваться в США возрос с 500 тыс. чел. в год в 80-х гг. до 1,5 млн чел. в 90-х гг. XX в. Из всех приехавших только 112 тыс. были европейцами, численность азиатов составила 338 тыс., мексиканцев — 679 тыс. чел. В итоге официальное количество иностранных граждан, сократившееся с 6,8% населения в 1950 г. до 4,7% в 1970 г., увеличилось до 8% в 1990 г. и продолжало расти в течение всего последнего десятилетия XX в. [13]. Если еще учесть и нелегальную иммиграцию, то данная цифра превысит 10% и, следовательно, приблизится к уровню, зафиксированному на рубеже XIX–XX вв. В 2005 г. только трудовых мигрантов США приняли 635,2 тыс. чел. [8, р. 371]. В настоящее время мировой рынок труда экономистов в значительной мере ориентирован на США. Например, более 50% выпускников, обучавшихся в стране по докторантским программам, приходится на иностранцев, проживающих здесь по вре-

менной визе (на учебу). При этом подавляющее большинство их впоследствии находит работу в США и успешно продвигается по карьерной лестнице [1, с. 151].

Миграция внесла существенный вклад и в динамику внутренней политической жизни многих стран. Она способствовала усилению коллективного взаимодействия и созданию определенных союзов политических сил. Более того, миграция трансформировала политические интересы всего общества. Еще 10–20 лет назад нельзя было даже предположить, что президентом США станет сын кенийского иммигранта, а в Германии председателем партии зеленых в ноябре 2008 г. будет избран сын турецкого иммигранта. Таким образом, в странах-реципиентах меняется отношение к проводимой национальной миграционной политике, используются иные, чем прежде, меры и рычаги воздействия на эти процессы, по-другому трактуется соотношение выгод и издержек, связанных с адаптацией мигрантов.

История развития человеческого общества показывает, что в настоящее время в развитых странах разные формы привлечения иммигрантов стали доминирующей моделью смешения наций. Все передовые государства являются скорее импортерами рабочей силы, нежели ее экспортерами. Безусловно, иммиграция в развитые страны по-прежнему продолжается.

Россия, переживающая на рубеже XX–XXI вв. демографический спад, вынуждена заниматься поиском выхода из этой сложной ситуации. Она стала активным реципиентом в международном обмене населения. Поэтому изучение опыта развитых государств, столкнувшихся с проблемами миграции гораздо раньше России, позволит повысить эффективность системы управления этими процессами в нашей стране, свести к минимуму их отрицательные последствия и на этой основе достичь максимально положительного эффекта.

Список использованной литературы

1. Гребнев Л. Мы отстали. Навсегда ли? // Вопросы экономики. 2010. № 1.
2. Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования / под ред. И. Молодиковой, Ф. Дювеля. М., 2009.
3. Borjas G. Friends or strangers: the impact of immigration on the US economy. N.Y., 2000.
4. Bustamante J. Measuring the flows of undocumented immigrants. La Jolla, 2007.
5. Castels S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. L., 1993.
6. Harris G. The dark side of Europe: the extreme right today. Edinburgh, 2007.
7. International migration and development // Report of the Secretary-General / UNGA. 2006. 18 May.
8. International migration outlook. 2007.
9. Papademetriou D.G. South-North migration in the western hemisphere and US responses // International migration. 1991. June.
10. Papademetriou D., Meissner D. New migration thinking for a new century // Migration Policy Institute. 2006. Dec.
11. Riemers D. Still the golden door. N.Y., 1985.
12. Solomos J., Wrench J. Racism and migration in Europe. Oxford, 2007.
13. SOPEMI. Trend in international migration. P., 2008.

Bibliography (transliterated)

1. Grebnev L. My otstali. Navsegda li? // Voprosy ekonomiki. 2010. № 1.
2. Tranzitnaya migratsiya i tranzitnye strany: teoriya, praktika i politika regulirovaniya / pod red. I. Molodikovoi, F. Dyuvelya. M., 2009.
3. Borjas G. Friends or strangers: the impact of immigration on the US economy. N.Y., 2000.
4. Bustamante J. Measuring the flows of undocumented immigrants. La Jolla, 2007.
5. Castels S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. L., 1993.
6. Harris G. The dark side of Europe: the extreme right today. Edinburgh, 2007.
7. International migration and development // Report of the Secretary-General / UNGA. 2006. 18 May.
8. International migration outlook. 2007.
9. Papademetriou D.G. South-North migration in the western hemisphere and US responses // International Migration. 1991. June.
10. Papademetriou D., Meissner D. New migration thinking for a new century // Migration Policy Institute. 2006. Dec.
11. Riemers D. Still the golden door. N.Y., 1985.
12. Solomos J., Wrench J. Racism and migration in Europe. Oxford, 2007.
13. SOPEMI. Trend in international migration. P., 2008.